

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Каролина Павлова

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Каролина Павлова / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1914 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32370-4

«Век этой старой писательницы тянулся от 1807 по 1893 год. Она пропустила мимо себя несколько авторских поколений, начиная от пушкинской плеяды, но сама оставалась в тени, хотя ее талант и давал ей право на видное место в родной словесности. Собрание ее произведений обогащает наш Пантеон еще одним обликом, исполненным своеобразной красоты. В хоре поэзии у Каролины Павловой есть своя нота, своя мелодия, и песнь ее, звучная и яркая, пленяет особенными интонациями, волнует исповедью женского лиризма...»

ISBN 978-5-457-32370-4

© Айхенвальд Ю. И., 1914

© Public Domain, 1914

Юлий Исаевич Айхенвальд Каролина Павлова

Век этой старой писательницы тянулся от 1807 по 1893 год. Она пропустила мимо себя несколько авторских поколений, начиная от пушкинской плеяды, но сама оставалась в тени, хотя ее талант и давал ей право на видное место в родной словесности. Собрание ее произведений обогащает наш Пантеон еще одним обликом, исполненным своеобразной красоты. В хоре поэзии у Каролины Павловой есть своя нота, своя мелодия, и песнь ее, звучная и яркая, пленяет особенными интонациями, волнует исповедью женского лиризма. Правда, Павловой свойственна и женская именно словоохотливость; автор слишком легко и скоро прибегает к стиху, не всегда показывает его внутреннюю необходимость; она пишет стихотворения и тогда, когда без них можно было бы обойтись, и у нее мало поэтической самодисциплины. Но более характерны и значительны ее достоинства, чем ее недостатки – погрешности содержания и техники. По существу, наша поэтесса едва ли не больше всего замечательна своим углубленным ощущением двойственности жизни. Есть эмпирическое, и есть идеальное; есть внешние узоры дней, пустых и монотонных, и есть сокровенная содержательность духа. «В неволе жизни этой тесной, средь грешной лжи», прозябают люди, особенно женщины, «узницы людского края, жертвы жалкой суеты», и может показаться, что у них нет ничего за душою и в душе. На самом же деле полна значительности и впечатлений их вторая, их невидимая жизнь. Но кто о ней расскажет, кто сумеет претворить ее в слова? Ведь женщины по большей части – «Психеи, лишённые крыльев», и только избранницы среди них имеют души окрыленные и красноречивые. К числу таких избранниц Слова и принадлежит Павлова, и это она изобразит психику немых Психей, это она скажет за них и приветит словом «семью безвестную», «немых сестер своей души». Предстательница женщин, поэтесса-сестра, поэтическая сестра милосердия, она музыкально и сердечно откликнется на женскую обиду и горе, в своей «Кадрили», напевает несколько женских биографий и покажет, как под светской оболочкой и условностью трепещет живая печаль, драма любви и горечь обманутых ожиданий. Наша писательница осуждает жизнь первую, жизнь внешнюю, обиход салонной повседневности, тесную чопорность, которая самую природу хотела бы сделать неестественной и внести даже в нее «хороший тон», опошлить ее; зато жизнь вторая, внутренняя, находит в ее лице чуткую защитницу и художницу. И для первой она имеет прозу, для второй – стихи. Казалось бы, для всего пригодна проза, особенно такая изящная и непринужденная, какой владеет Каролина Павлова; но такова уж ее натура, что лучшее в себе и в других, все возвышенное и серьезное, она должна выражать непременно стихами, и не прозой, а стихами говорит ее душа. Оттого на ее страницах вполне ощутителен переход прозы в стихи; чувствуешь (преимущественно – ночью, когда сгущаются в комнате тени «черной чередой», а «мир заснет, как тихий дом, и, молитвой пламенея, станут звезды пред Творцом»), – чувствуешь, как приближается веяние вдохновения, как в ритмы и рифмы начинают складываться слова, – присутствуешь при этом таинстве, видишь рождение Афродиты-поэзии. У Каролины Павловой – неодолимая потребность в стихе; он для нее не роскошь, а насущно-элементарное питание духа. И когда сердце стало нищим, когда все потеряно и от жизни остался только пепел тлеющего костра, сохранилось это единственное утешение – поэзия, о которой говорит Павлова: «Моя напасть, мое богатство, мое святое ремесло!» Действительно, стихи для нее – «роковая благодать», любезное наваждение; Каролина Павлова одержима поэзией, дышит литературой, и этот воздух словесности вообще окружает ее: она живет не только своими, но и чужими стихами; трогательны ее обращения к поэтам – Языкову, Баратынскому, и когда последнего она называет по имени – Евгений, то в этом слышится отголосок не только близкого знакомства, но и какого-то брат-

ства – братства о красоте. Поэтесса и сестра поэтов, она знает, что на голос искусства жизнь часто не откликается: поэты – «бесполезные пророки», каждый из них – «гость ненужный в мире этом, неизвестный соловей», чьи песни, казалось бы, заглушаются ропотом будней; но – нет, покрывая все шумы земли, когда-нибудь восторгается «аллилуйя поэта», богослужение искусства. Свою поэзию Каролина Павлова, «безумница» красоты, расточает на то, главным образом, чтобы рассказать свою женскую душу, свою внутреннюю биографию. «Свой чистый перл в житейском море искала, бедная, и ты» – это применимо ко всякой женщине, искательнице жемчуга; но его не находят, и потому в обиженное сердце проникает грусть. «Сердца блажь» смиряется, всему, что волновало грезы, шепчешь «тихое про-сти», и явна теперь «всех ожиданий всегдашняя ложь». Иссякает жизнь, уходят дни, живешь «без обороны», не сопротивляясь постепенному самоисчезновению, и если умеешь, то на меланхолических струнах своей арфы играешь элегию. Наибольшее впечатление производят именно элегические мотивы Павловой. Она «хранит священные химеры» молодости, но все туманнее делаются они, совершается ликвидация жизни, улетают прежние сны, – «кто воскресит в них лик маркиза Позы?». Кто-то уносит жизненные декорации, все глуше и скуднее становится вокруг и внутри нас, «и день за днем на детские эдемы туманную спускаем пелену». Бледнеют воспоминания, сам себе кажешься чужим, и наступает то равнодушие, которое «горестней молодого горя», – дремота перед окончательным сном. Элегия Павловой тем печальнее многих других жалоб и песен, что жизнь не только отняла у нее мало-помалу все внутренние ценности и надежды, но и внешне переселила ее на чужбину, далеко от Москвы, которая была ей так мила, особенно в своем зимнем убранстве («будто в ледяные латы одета дивная Москва»). Едет поэтесса в чужие края: «Все пасмурней тянется чаща глухая, путь темен и дик; карета несется, как будто б спешила в приют я родной; полуночный ветер запекает уныло в пустыне лесной; бегут вдоль дороги все ели густые – туда, к рубежу, откуда я еду, туда, где Россия; я вслед им гляжу». На чужбине она и умерла. Задолго до смерти имела она печальное право сказать о себе: «Уроки жизни затвердила я наизусть», – безотрадные уроки опыта; «я в душе свершила панихиду по себе, равно как и по ней», – говорит у нее женщина о себе и о другой; при этом смерть еще не всегда является полным успокоением: бывает и так, что «неотразимая мирская суeta стучится дерзостно и в доску гробовую»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.